

«Парень, держи венок!»

От неожиданности вздрогнул, точно проснулся. У меня в руках оказался венок с колючей искусственной хвоей и такими же колючими неживыми цветами. На кроваво-алой ленте сухо значилось: «Скорбим и помним». Кольке и Вадиму тоже всучили венки: «Покойся с миром» и «На вечную память».

Ещё никогда для меня смерть не была такой зримой. Сказать по правде, к пятнадцати годам мне даже стало казаться, что её не существует.

«Парень, держи венок! Потрогай. Прикоснись к этой колкой мёртвой хвое, как будто с ёлки, украденной у мертвецов. Посмотри на гроб. Не отводи глаз! Ну же, давай. Ты думал, её нет? И она никогда не придёт к твоим знакомым, родителям, к тебе?!» Чёрт бы его побрал, этот внутренний голос. У него совсем нет жалости.

Коренастый односельчанин загоняет в землю могильную ограду, подпрыгивая на ней и ударяя в перекладину всем весом. С каждым ударом металл всё глубже уходит в сырую глину. Последние удары — последняя расправа над умершим. После того как болезненно-необходимый обряд погребения свершён, телом покойного становится земля кладбища. На неё капают слёзы, по ней шарят взоры приходящих на могилку. Озябшие кислые лица коллег покойного начинают оглядываться в нашу сторону. Значит, скоро уже понадобятся венки...

Не люблю я Кольку с его болтовнёй. Он готов говорить о чём угодно, притом дельного никогда не скажет. И сейчас говорит так, будто ничего такого не происходит, а мы собрались на обычную тусовку. Своей причёской «под ноль» Колька едва достаёт мне до подбородка и вообще напоминает суетливого крысёнка. Кивая в ответ на очередной тупизм, я тем временем высккиваю взглядом моего осиротевшего друга.

Женя зажат среди безликих сердобольных тётушек, поминутно утирающихся платками. Его лицо как будто затерялось в этой суматохе. По отдельности узнаю нос, губы, даже глаза, но они не срastаются в привычный образ. Отвожу взгляд. Лучше уж послушать Кольку. Или не слушать?

— Совсем болезнь съела, ничего своего в нём не осталось, — громко прошептал кто-то из толпы об отце Жени по дороге на кладбище.

Когда обитый красным ситцем гроб выносили из подъезда, мне показалось, что произошла какая-то ошибка. В гробу лежал маленький, щуплый незнакомец с обвязанной головой. Его лицо осунулось и позеленело, а рыжая борода сделалась пепельно-серой. Парадный коричневый костюм оказался велик и сидел мешком. Ничто не связывало меня с этим сдвинувшимся, как износившаяся шина, человеком. И что-то вроде облегчения появилось в груди, когда крышку гроба наконец заколотили. Теперь я мог представить, что там внутри отец Жени, а не странный зеленоватый коротышка с измученным лицом.

Однажды вечером я зашёл за Женей, чтобы вместе идти на улицу. Этот ритуал повторялся ещё с младших классов. Пока Женя у себя в комнате натягивал джинсы и свитер, я снимал шапку и растопыренной пятернёй проводил по волосам ото лба к затылку. Мне нравилось собственное глупое отражение в зеркале — с растрёпанной причёской и покрасневшим на холоде лицом. Женя появлялся уже готовый и в куртке. В отличие от меня, он предпочитал выходить налегке, как осенью, хотя на дворе стояла зима.

Я открыл дверь и спустился на площадку, однако Женя почему-то замешкался. Я подумал, что подожду, и подошёл к окошку. На подоконник в подъезде не то что присесть — опереться негде, всюду грязь и окурки. Снежинки сбегают вниз по чёрному небу, будто торопясь и толкаясь. На улице ветрено. Значит, опять будем торчать по подъездам — больше у нас в посёлке нигде не потусишь.

Проходит минута, другая. Ну чего он там копается? Я вернулся и дёрнул за ручку двери.

Приятель не очень-то распространялся о своём отце, но кое-что я знал. Он поехал помочь соседу напилить в лесу дров, и так получилось, что его пришибло падающим деревом. Потом у него долго болело внутри, а через пару месяцев появилась опухоль.

Отец Жени поднялся с постели. Его грудь стягивал большой пуховый платок, а на ногах беспомощно болтались мешковатые трико.

— Здравствуйте, — сказал я.

На лице моего двойника в зеркале повисла вымученная улыбка.

— А, здравствуй,—рыжая бородака на мгновение дёрнулась в мою сторону и вновь упёрлась в Женью,— Вот смотри, как твой друг одет. Не то, что ты. Надевай шарф.

— Нет, папа, на фиг надо. Что я, замёрзну, что ли? — возмутился Женья.

— А я сказал — наденешь. Штатаешься где попало, потом хрипишь ходишь. Совсем, что ли... то есть, говорю, совсем отца ни во что ставить можно?

— Да я сроду этих шарфов не носил. Мне и так хорошо,— Женья неуверенно провёл ладонью по голой шее, точно сомневаясь, продолжать ли ему настаивать на своём.

— Ты идёшь, наконец, или нет? — спросил я.

— Иду! — Женья рывками намотал шарф, и мы пошли.

Нас перекормили пельменями и подливали водки не по возрасту. Я и не думал, что сны после поминок такие ужасные.

Я бесцельно бродил кругами по болотистой местности, под ногами чавкало, кругом камыши. В животе, казалось, тоже чавкало, и кололись всё те же камыши. А может, они меня щекотали, но рвать тянуло порядочно. В шуме ветра послышалось, что меня кто-то зовёт: «Парень, парень...»

Почему люди во сне такие безвольные свиньи? Почему стоит тебя в болотах позвать какой-то незнакомке, так ты тут же несёшься на её поиски?

На следующий день в школе, приглядываясь к девчонкам, я понял, что в них и правда есть что-то жуткое — голос подземелья. Из спин их пробиваются стебли маков, хрупких и хищных. А в руках незримый венок траура и пепла, который они так и норовят тебе впихнуть.

Наверное, я больше математик и никогда не буду спать с этими существами.

К вечеру у меня поднялась температура. Смешная мама — она думает, что я был не готов к смерти Жениного отца. Теперь она жалеет, что никогда не разрешала мне заводить питомцев. Неужели она и правда считает, что смерть любимой черепашки сделала бы из меня настоящего мужчину? Я был бы точно ветеран Афганистана, взирающий на покойников с безучастным равнодушием...

Голая девчонка, перепачканная землёй, смотрела на меня полинялыми глазами. У неё ещё даже не было намёка на грудь.

«Парень, держи венок! Парень, держи венок!» — шептала она сквозь меня, сложив руки на тощем впадлом животе.

Я болел уже целую неделю. Даже Женья успел меня навестить.

— Ты чего слёт?

— Простыл, наверное, — равнодушно пожимая плечами, ответил я.

Женья был хорошим другом, он принёс мне на поправку баночку пива.

Прошёл почти год со дня похорон. Мы сидели в два часа ночи на веранде у Вадима и пили. Вадима скоро забирают в армию, и каждый спешит отпустить шуточку по этому поводу. Хотя, конечно, никому особенно не смешно. Вадим летом на веранде спит, но сейчас здесь холодно, и народ сидит в куртках. Хотели поставить обогреватель, но Вадим сказал, что он вчера перегорел. У каждого по полторашке пива, стаканов нет, пьём так. Колька чокнулся бутылкой о репродукцию «Трёх богатырей», пылящуюся в углу, и неожиданно сказал:

— А у нас в Тупике один мужик помер, Онофриев. Знаете такого?

Мне эта фамилия ни о чём не говорила.

— Кто ж козла Онофриева не знает? — сказал Женья.

— Ну зачем?... Человек же умер, — я попытался пресечь друга.

— А толку-то, что умер? Можно подумать, он от этого чище стал.

— А чего с ним случилось-то? Я его видал вроде недавно, — удивился Вадим.

— Да мужики утром на работу шли, смотрят, а он на крыльце пластом валяется. У себя во дворе, главное. Пришёл, видать, домой с бодуна, а ключом в замок не попал. Окошел, короче.

— Ну ни фига се, — сказал я.

— Чё, никого не было? — спросил кто-то.

— Да вроде была у него баба где-то, да то ли ушла от него, то ли он сам её бросил. По-всякому говорили.

— Ну ладно, царствие небесное, давайте помянем, что уж там.

— Да ну, туда ему и дорога, — не унимался Женья. — Другие мужики нормальные все, а этот натурально живодёр был. Коту своему знаешь что он сделал? Голову просто так открутил и выкинул. А мне чуть ухо один раз не оторвал.

— Ну?

— Да, я с предками в Тупике тогда ещё жил. А мы — пацаны, маленькие, лет по девять примерно. Ну вот. Играли на улице, ну, знаешь, мелкота. Ну, и этому Онофриеву кто-то снежком в окошко залепил. А он с похмелья был. Выбегает, короче, в тапках, догнал меня. Как за ухо схватит! Взрослый мужик же, да ещё со всей дури. Чего вы, спрашивает, такие-сякие, ерундой маетесь, типа? Ну ладно, отпустил. А у меня ухо жжёт, не знаю, как плоскогубцами хватили. Больно, блин. Ну, я в слёзы, естественно. Пришёл домой, бате пожаловался. Ну, батя вышел, значит, в дверь ему звонит. А он заперся, не открывает. Батя разозлился, кулаком в дверь стучит. Ну, тот вышел и давай наезжать: чего ты тут долбаешь, мол? Я не я, типа. Ну, батя его за грудки — и в сугроб. Хорошо вошёл —

до пояса. Ногами снаружи дёргает. Так он потом к моему батю подоить боялся. Вот, значит, пацаны. Такой у меня батя был.

— Женя, бросал бы ты курить, — заметил я, вдыхая приторно-сладковатый дымок от Жениной самокрутки.

— Да надо бы. Всё никак не соберусь. А ты чего беспокоишься-то? — ухмыльнулся он.

— А ты разве с Нинкой детей заводить не собираешься?

Казалось, стёкла вылетят, так все заржали. Потом Женя сказал:

— Слушай, старик, так мы же ещё не женаты даже.

«Да какая разница?» — подумал я, мысленно поправляя венок, застрявший в тёмном закутке моего сознания.